

Т. Б. ТРОФИМОВА-ШИФФ*

**К ВОПРОСУ О ПОЛЕМИКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
В КОНЦЕ 1850-х — НАЧАЛЕ 1860-х гг.**

В данной статье анализируется полемика между Ф. М. Достоевским и Н. Г. Чернышевским по вопросам эстетики, выдвигается версия о начале этой дискуссии, которую принято относить к 1863 г. (рассказ «Крокодил»). В 1859 г. повесть «Дядюшкин сон», в которой «князь» выдвигает теоретические положения, имеющие аллюзивный адрес в диссертации Чернышевского, опубликованной в 1855 г. и вызвавшей значительный резонанс в русской публицистике, в частности, на его известный тезис о том, что содержанием произведения искусства должно быть «общественное в жизни». В полемике вокруг этого вопроса приняли участие А. В. Дружинин, В. П. Боткин, П. В. Анненков, многие другие известные литераторы.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, Кант, Шекспир, эстетика, полемика, диссертация.

«Рождение» темы «Чернышевский и Достоевский» в критике, по замечанию В. А. Туниманова, ознаменовал рассказ «Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже», опубликованный в 1865 г. в газете «Голос» в разделе «Вседневная жизнь»¹. С тех пор диапазон изучения полемически-творческого диалога Достоевского и Чернышевского значительно расширился: от анализа идеологических споров до исследований схождения и расхождения в трактовке этических и эстетических проблем². Poleмика Достоевского и Чернышевского сложна, разнообразна и многоаспектна, но прежде всего, по наблюдению В. А. Туниманова, это «художественная полемика, переведенная

* Татьяна Борисовна Трофимова-Шифф, канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ РАН — troftat@yandex.ru.

Tatyana Borisovna Trofimova-Schiff, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, IRLI RAS.

¹ Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854–1862. Л., 1980. С. 269.

² Дороватовская-Любимова В. С. Достоевский и шестидесятники // Достоевский. Труды Академии художественных наук. Литературная секция. М., 1928. Вып. 3. С. 5–60; Бельчиков Н. Ф. Чернышевский и Достоевский (Из истории пародии) // Печать и революция. М., 1928. № 5. С. 35–53; Дилакторская О. Г. Петербургские повести Достоевского. СПб., 1999. С. 305–319; Сердюченко В. Л. Достоевский и Чернышевский. Единство крайностей. М.; Львов, 1999. 208 с.; Кантор В. Чернышевский и Достоевский: параллели // Literatura rosyjska: idée, poetiki, interpretacje. Katowice, 2018. С. 101–130; и др.

в плоскость всеобщего, преломленная через сознание героев и повествователей»³.

Считается, что она берет свое начало в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), но, на наш взгляд, уже в повести «Дядюшкин сон» (1859) можно обнаружить отсылки к текстам Чернышевского, причем в пародийном ключе. Так, один из персонажей, князь К., рассказывая своему племяннику Мозглякову о своих приключениях по дороге в город Мордасов, вспоминает слугу Терентия. «Глуп феноменально, — говорит дядюшка. — <...> Иной раз смотрю на него и засматриваюсь: решительно диссертацию сочиняет, — такой важный вид! — одним словом, настоящий немецкий философ Кант...» (II, 423) Напомним, что в 1855 г. была опубликована диссертация Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», в которой, критикуя эстетическую теорию Гегеля, автор утверждает зависимость эстетического идеала от реальной действительности и особенно от общественной жизни, сформулировав тезис «прекрасное есть жизнь»⁴. Сфера искусства, по мнению Чернышевского, не ограничивается только прекрасным: «...общественное в жизни — вот содержание искусства»⁵. Цель же искусства — «воспроизведение жизни», ее объяснение и вынесение приговора явлениям ее. Искусство должно быть «учебником жизни», — подчеркивает Чернышевский⁶. Появление диссертации вызвало бурную и острую полемику в общественно-литературных кругах, продолжающуюся в течение нескольких лет. Особенно сильно полемизировал с Чернышевским в 1856 г. А. В. Дружинин, поддерживаемый В. П. Боткиным и П. В. Анненковым. Само слово «диссертация» вызывало у читателя того времени, как нам кажется, вполне определенные ассоциации, связанные с именем Чернышевского. Достоевский просто подменил в тексте имя немецкого философа Гегеля, с которым полемизировал Чернышевский, на немецкого философа Канта. Явная отсылка к работе критика есть и в рассуждениях князя К. и Мозглякова о бородах, искусственной и натуральной, какая из них лучше. «Разумеется, возникло недоумение: сбрить ли свою или присланную назад отослать, а носить натуральную? Я думал-думал и решил, что уж лучше носить искусственную, — провозгласил князь. “Вероятно потому, что искусство выше природы, дядюшка”, — согласился Мозгляков» (II, 428–429). Чернышевский писал: «Мнение, будто бы рисованный пейзаж может быть величественнее, грациознее или в каком бы то ни было отношении лучше действительной природы, отчасти обязано своим происхождением предрассудку, над которым самодовольно подсмеиваются в наше время даже те, которые, в сущности, еще не отделились

³ Туниманов В. А. Творчество Достоевского. С. 274.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1949. С. 10.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Там же.

от него, — предрассудку, что природа груба, низка, грязна, что надобно очищать и украшать ее для того, чтобы она облагородилась»⁷. Именно в приведенном выше диалоге князя К. и Мозглякова находит свое отражение важнейший вопрос литературно-общественных споров 1850-х годов о назначении искусства и его роли в жизни. Достоевский вернется к его обсуждению в статье «Г-н — бов и вопрос об искусстве» (1861) (18. 70–103) в высказывании писателя о том, что «яблоко натуральное лучше яблока нарисованного» (20, 108, 326).

Еще одна важная тема, связанная с диссертацией Чернышевского, затронута в повести. Следует обратить внимание на то, что именно в своей работе Чернышевский утверждал: многое у Шекспира уже устарело и «понимается и ценится только тогда, когда мы перенесемся в прошедшее с его понятиями о вещах»⁸, что в его творчестве отразился «вкус эпохи» и «мода», что делает «половину каждой драмы Шекспира негодною для эстетического наслаждения в наше время <...> Шекспир риторичен и напыщен, художественное построение драм его было бы вполне хорошо, если б их несколько переделать», утверждал Чернышевский⁹. В 1855 г. начался спор о путях развития русской литературы и о смысле художественного творчества, — лишь внешне он носил характер спора о литературных традициях, в подтексте же имел общественно-политический характер. Свою позицию в отношении сторонников «искусства для искусства» Чернышевский четко определил в статье «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855–1856). Имя Шекспира напоминало критику лишь «о художественных заслугах перед искусством, а не особенных, преимущественных стремлениях действовать во благо родины». «Неизмеримо велики его заслуги для развития чистого искусства, — писал Чернышевский, — но по своему художественному и психологическому глубокомыслию его произведения имели огромное и благодетельное действие на судьбу искусства и, через то, косвенным образом, вообще на развитие человечества — и в Англии, конечно, как в Германии, Франции, России. Но что хотел он сделать специально для современной ему Англии? В каком отношении был он к вопросам ее исторической жизни?» И продолжает: «Он, как поэт, не думал об этом: он служил искусству, а не родине, не патриотические стремления, а только художественно психологические вопросы были двинуты вперед Макбетом и Лиром, Ромео и Отелло»¹⁰. Шекспир отнесен к поэтам «чистого искусства», не отражающим общественные противоречия и не влияющим на жизнь. Таким образом, с точки зрения Чернышевского, искусство Шекспира бесполезно. Достоевский, кроме повести, обратится к теме Шекспира в записной книжке 1860–1862 гг.,

⁷ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. М., 1949. С. 85, 87, 90.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. М., 1947. С. 136–137.

отметив: «Шекспир. Его бесполезность. Шекспир как отсталый человек (по Шекспиру государственные люди, ученые, историки учились (мнение «Современника») <...> Мнение Чернышевского» (20, 15). В повести «Дядюшкин сон» имя Шекспира играет важную роль. Оно влияет на развитие духовной жизни героев. Учитель Вася открыл Зинаиде мир английского драматурга, знакомство с творчеством которого изменило ее жизнь. Чтение произведений Шекспира принесло ей внутреннюю свободу, независимость от мордасовской лицемерной морали, пошлой лжи, окружающей ее в мордасовском «высшем» обществе. Стремление к идеалу и независимости становится смыслом жизни учителя Васи и его возлюбленной. Напротив, Марья Александровна, мать Зины, понимает, что эти идеалы, навеянные Шекспиром, освобождают дочь из-под ее власти, разрушают ее планы в связи с замужеством Зинаиды. «Можно ли обвинять меня, друг мой, — говорит она дочери, — что я смотрела на эту привязанность как на романтизм, навеянный этим проклятым Шекспиром, который как нарочно сует свой нос везде, где его не спрашивают» (II, 435). Она считает, что нежелание дочери поддерживать ее именно потому, что она «слишком начиталась “этого дурака” Шекспира с “своим учительшишкой”» (II, 503). Именно она говорит Мозглякову, который тоже «с какими-то новыми идеями»: «...вы в прошлый раз говорили даже, что намерены отпустить ваших крестьян на волю и что надобно же что-нибудь сделать для века, и все это оттого, что вы начитались так какого-нибудь вашего Шекспира! Поверьте, Павел Александрович, ваш Шекспир давным-давно отжил свой век и если б воскрес, то, со всем своим умом, не разобрал бы в нашей жизни ни строчки! <...> забудьте вашего Шекспира. Предрекаю вам» (II, 417). Фактически Марья Александровна в утрированно-пародийной форме излагает позицию Чернышевского по отношению к творчеству Шекспира, высказанную им в статье и в диссертации.

Появление на страницах «Современника» романа «Что делать?» в 1862 г. вызвало отклики различных общественных кругов читателей. Если революционно настроенная молодежь и критика приняла роман горячо и с восхищением, то реакция либеральной части общества была отрицательной. Напомним, что роман имеет подзаголовок: «Из рассказов о новых людях». Он делится на две части. В первой из них читатель знакомится с Верочкой Розальской, с ее семьей и ее жизнью. Перед нами традиционный сюжет, в котором есть богатый, но нелюбимый жених, выбранный матерью, чистая и честная девушка, красавица, страдающая от тирании матери, расчетливой, лживой, грубой женщины, надеющейся выгодно «продать» дочь, т. е. выдать ее замуж. Такой конфликт в романах был традиционен, особенно для произведений «обличительного» направления в литературе в 1840-х гг. Все эти истории, как правило, заканчивались трагически для героинь. Но уже в конце 1840-х — начале 1850-х гг. стали появляться такие произведения, как роман «Кто виноват?» А. И. Герцена, «Полинька Сакс» А. В. Дружинина,

поэма «Саша» Н. А. Некрасова и ряд других, в которых героиня встречает человека, способного ей помочь «выбраться на свободу»... Основной мотив этих произведений — мотив спасения девушки от гнета в семье, от тиранки матери или мужа и бесправного положения в доме. Этот сюжет мы обнаруживаем и в первой части романа «Что делать?» и в повести «Дядюшкин сон». Сопоставив эти два текста, мы видим между ними явно сходство и в сюжете, и в характеристике героев и героинь. Например, обе матери семейств, Марья Александровна Москалева и Марья Алексеевна Розальская (отметим и совпадение их имен, и явное созвучие отчеств), представляют собой женщин со здравым смыслом, практицизмом, расчетливым умом, стремлением выгодно выдать дочерей замуж, не считаясь с их мнением, которые пользуются для достижения своих целей интригами и сплетнями, лживыми слухами. И та и другая тиранят своих близких, с той лишь разницей, что Марья Александровна Розальская более груба и жестока, чем Марья Александровна Москалева, по отношению к дочери. В отличие от Зинаиды, Верочку могут избить, лишить еды, запереть в комнате за непослушание. Марья Александровна, в свою очередь, «грубо дотрагивалась до самых больных мест сердца Зинаиды»¹¹. И у той и у другой мужа в полном подчинении, стараются не попадаться своим женам на глаза и не прекословить им. Обе героини терпят крах своих планов. Сходство прослеживается не только в общих характеристиках героинь, но и в явных отсылках Чернышевского к художественным деталям текста Достоевского. Отметим, например, сравнение Розальской с Наполеоном: «Обстоятельства были так трудны, что Марья Алексеевна только махнула рукою. То же самое случилось и с Наполеоном после Ватерлооской битвы, когда маршал Груши оказался глуп, как Павел Константинович, а Лафайет стал буянить, как Верочка: Наполеон тоже бился, бился, совершал чудеса искусства, — остался ни при чем...»¹² Герой-рассказчик у Достоевского также отмечал: «Марью Александровну сравнивали даже, в некотором отношении, с Наполеоном. <...> Но, признавая вполне всю странность такого сравнения, я осмеливаюсь, однако же, сделать один невинный вопрос: отчего, скажите, у Наполеона закружилась наконец голова, когда он забрался уже слишком высоко»¹³. Даже, на наш взгляд, рассказ Марьи Александровны о похищении сахара Натальей Дмитриевной получил отклик у Чернышевского. Марья Алексеевна, приглашая Лопухова пить чай, поняла, что «ее сахарница, вероятно, не будет терпеть большого ущерба...»¹⁴ В начале повести рассказчик Достоевского признается, что несколько пристрастен к своей героине. «Мне хотелось написать что-нибудь вроде

¹¹ Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон. С. 440.

¹² Чернышевский Н. Г. Что делать? Л., 1975. С. 43.

¹³ Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон. С. 405.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Что делать? С. 51.

похвального слова этой великолепной даме...» (II, 407). Чернышевский «выполняет» это желание. Первая часть его романа завершается маленькой главкой, названной «Похвальное слово Марье Алексеевне», в которой повествователь, воздавая должное своей героине, прощается с ней навсегда, явно отсылая, по нашему мнению, «проницательного читателя» к повести Достоевского.

Ответ Чернышевского на критику в свой адрес в «Дядюшкином сне» заключался в создании образа Лопухова, который, как и учитель Вася, приглашенный в семью Москалевых для обучения младшего сына, был также приглашен в семью Розальских для их младшего сына. Как и Вася, Лопухов просвещает Верочку, рекомендуя ей книги для чтения, но не «бесполезного» Шекспира, а например, сочинения Людвиг Фейербаха. Время романтиков и Шекспира — это все в прошлом. Лопухов — студент Медицинской академии, рационалист, рассудок владеет его чувствами. В нем современники увидели продолжателя «дела» Базарова и полемику с И. С. Тургеневым. Учитель Вася — литературный «родственник» «стареньких романтиков», мечтателей, «лишних людей» которые не могут совместить слово и действие. Так, умирая, он говорит Зине: «Но ведь все это было в мечтах, Зина, когда мы читали Шекспира, а как дошло до дела, я и выказал свою чистоту и благородство чувств...»¹⁵ Он неспособен совершить решительный поступок даже для спасения своей возлюбленной, который освободит ее от тирании матери. После смерти Васи Зинаида выходит замуж, вероятно, без любви, за генерал-губернатора «отдаленного края».

Лопухов (кстати, он, как и Вася, «умирает», но, в отличие от героя Достоевского, «умирает», чтобы начать новую жизнь) и его друг Кирсанов, как, и положено «новым людям», пришедшим на смену мечтателям, «лишним людям», способны совершать поступки и действовать. Так, Лопухов, принимая решение освободить Верочку буквально «из подвала» (именно с «подвалом» сравнивает Верочка свою жизнь в семье), предлагает ей фиктивный брак, т. е. обвенчаться, продумав и рассчитав почти все последствия своего поступка. Роман Чернышевского опубликован в 1862 г. Повесть «Записки из подполья» — в 1864 г. О полемической связи между романом и повестью написано много. И не из романа ли Чернышевского образ «душного подвала» перекочевал в «Записки из подполья», в котором реально поселился герой-парадоксалист с его размышлениями о «подполье», а не только о «хрустальном дворце»?

О романе «Что делать?» Достоевский планировал написать статью, о чем сообщал брату в письме от 19 ноября 1863 г. «Разбор Чернышевского романа и Писемского произвел бы большой эффект, и, главное, подходил бы к делу», — писал Достоевский, планируя содержание

¹⁵ Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон. С. 510.

первого номера «Эпохи» (28₂, 56, 389). Замысел осуществлен не был, но, на наш взгляд, писатель понял, кому адресована первая часть романа, продолжив полемику в рассказе «Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже» и «Записках из подполья».

Первая часть романа заканчивается прощальным «похвальным словом» Марье Алексеевне и замужеством Верочки, но Чернышевский меняет печальный финал повести Достоевского на счастливый, тем самым утверждая, что будущее за «новыми людьми». Напомним, что роман заканчивается главой, названной «Перемена декораций» и приведем оттуда небольшую цитату: «В Пассаж! — сказала дама в трауре, только теперь она была уже не в трауре; яркое розовое платье, розовая шляпа, белая мантилья, в руке букет». Ехала дама не одна, а в сопровождении нескольких знакомых мужчин. На вопрос читателя «...вы начинаете рассказывать о 1865 годе?», автор-рассказчик ответил утвердительно. Незаконченный рассказ «Крокодил. Необычное событие, или Пассаж в Пассаже», положивший начало теме «Достоевский и Чернышевский», был опубликован в 1865 г. и начинается этот рассказ со сцены в Пассаже, куда приехала «дама-конфетка» в сопровождении мужчин, мужа и друга семьи. Счастливая дама в сопровождении мужчин из романа Чернышевского «приехала в Пассаж» в рассказе Достоевского.

Итак, по нашему мнению, полемика Достоевского с Чернышевским началась не в «Зимних заметках о летних впечатлениях», как считалось раньше, а уже в первой его повести «Дядюшкин сон», написанной после каторги. Чернышевский же, в свою очередь, откликнулся на критические высказывания Достоевского о своей статье «Очерки гоголевского периода русской литературы» и диссертации в романе «Что делать?». Тема «Достоевский и Чернышевский», по нашему мнению, требует еще своего серьезного и глубокого изучения.

Библиографический список

- Бельчиков Н. Ф.* Чернышевский и Достоевский (Из истории пародии) // Печать и революция. 1928. № 5. С. 35–53.
- Дилакторская О. Г.* Петербургские повести Достоевского. СПб., 1999. 348 с.
- Дороватовская-Любимова В. С.* Достоевский и шестидесятники // Достоевский. Труды Академии художественных наук. Литературная секция. М., 1928. С. 5–60.
- Кантор В. К.* Чернышевский и Достоевский: параллели // *Literatura rosyjska: idée, poetiki, interpretacje.* Katowice, 2018. С. 101–130.
- Сердюченко В. С.* Достоевский и Чернышевский. Единство крайностей. М.; Львов, 1999. 208 с.
- Туниманов В. А.* Творчество Достоевского. 1854–1862. Л., 1980. 298 с.
- Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1939–1953.

T. B. Trofimova-Shiff

TO THE QUESTION OF THE POLEMICS
OF F. M. DOSTOEVSKY AND N. G. CHERNISHEVSKY
IN THE LATE 1850 — EARLY 1860

This article analyzes the polemic between F. M. Dostoevsky and N. G. Chernyshevsky on issues of aesthetics, puts forward a version of the beginning of this discussion, which is usually related to 1863 (the story “Crocodile”), in 1859, the story “Uncle’s Dream”, in which “the prince” puts forward theoretical propositions that have an allusive address in Chernyshevsky’s dissertation, published in 1855 and caused a significant resonance in Russian journalism, in particular, his famous thesis that the content of a work of art should be “social values in life”. A. V. Druzhinin, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, and many other well-known writers took part in the controversy around this issue.

Key words: F. M. Dostoevsky, N. G. Chernyshevsky, I. Kant, W. Shakespeare, aesthetics, polemics, dissertation.

References

- Bel’chikov N. G. Chernyshevsky i Dostoevsky (Iz istorii parodii). *Pechat’ i revolyuciya*. 1928, no. 5. P. 35–53. (In Russ.)
- Chernyshevsky N. G. *Polnoe sobranie sochinenij*: in 15 vols. Moscow, 1939–1953. (In Russ.)
- Dilaktorskaya O. G. *Petepburgskie povesti Dostoevskogo*. St. Petersburg, 1999. 348 p. (In Russ.)
- Dorovatovskaya-Lyubimova V. S. Dostoevsky i shestidesyatniki. In: *Dostoevsky. Trudi Akademii hudozhestvennih nauk. Literaturnaya sekciya*. Moscow, 1928. Vol. 3. P. 5–60. (In Russ.)
- Kantor V. K. Chernyshevsky i Dostoevsky: paralleli. In: *Literatura rosyjska: idei, poetika, interpretacii*. Katowice, 2018. P. 101–130. (In Russ.)
- Serdyuchenko V. S. *Dostoevsky i Chernyshevsky. Edinstvo krajnostej*. Moscow; L’vov, 1999. 208 p. (In Russ.)
- Tunimanov V. A. *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1854–1862*. Leningrad, 1980. 298 p. (In Russ.)